

**Отражение этнокультурных контактов в фольклоре коренных малочисленных народов
Дальнего Востока России XVII — XX вв.**

Аннотация. Статья посвящена выявлению народных и христианских элементов культуры, проникших в фольклорные традиции коренного населения Дальнего Востока начиная с XVII в. и до настоящего времени. Формулируется вывод о том, что русское влияние оставило заметный след в фольклоре и культуре дальневосточных этносов, но вместе с тем не лишило их национального своеобразия.

The paper reveals the folk and Christian elements of culture which entered the folklore traditions of the indigenous peoples of the Far East from XVII c. till present. The conclusion is made that the Russian influence has left an imprint on folklore and culture of Far Eastern peoples but has not delete their ethnic originality.

Ключевые слова: фольклорные традиции Дальневосточного региона, этнокультурные контакты коренных и переселенческих этносов Дальнего Востока.

Folklore traditions of Far Eastern region, ethnocultural contacts of indigenous and migrant peoples of the Far East.

УДК: 398.

Контактная информация: 690000, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Тел.: (423)226-81-70. E-mail: starcev.42@mail.ru.

При анализе фольклорных фактов надо учитывать, что понимание и отображение многих процессов были далеко не одинаковыми в разные периоды развития общества. Необходимо чрезвычайно осторожно выделять ядро исторической информации, учитывая неточности датировок, переосмысление социальных фактов, контаминацию образов и другие явления, присущие фольклору. Сведения, содержащиеся в фольклоре бесписьменных народов, играют особую роль, ибо устное и музыкальное творчество этих народов законсервировало черты древнего быта, миграции, контакты с другими этносами. Становление фольклорной традиции на Дальнем Востоке России следует рассматривать в тесной связи с историей расселения здесь восточнославянского населения. Взаимные контакты, несомненно, способствуют обогащению культур, однако это происходит далеко не сразу.

Мы видим перед собой два пути: выявить фольклорные произведения, содержащие прямые указания на жизненные реалии, или же на основе анализа заимствованных сюжетов и мотивов делать выводы об этнических контактах.

Этнические контакты коренных малочисленных народов мы постараемся рассматривать в обоих направлениях (прямые указания на реалии в текстах и сюжетные заимствования), выявляя при этом славянские компоненты культуры.

Фольклорная лексика содержит богатый материал по историко-культурным связям русских переселенцев и аборигенов Дальнего Востока России на разных этапах истории. Часть культурных заимствований славянского происхождения отражает обогащение инонационального быта новыми реалиями. В первую очередь, среди заимствований стоит назвать следующие: война, пушка, ружье, царь, слуга, начальник, богатый, бедный, купец, черт, бог, книга, судья, флаг, колесо, цепь, сани, город, поселок, пароход, самолет, ракета, лошадь и т.д. [Вдовин 1976: 235, 237, 252; Пилсудский 2002: 22, 21; Подмаскин, Киреева 2010: 32, 62, 197]. Встречаются и явные анахронизмы. Например, упоминания о самолете у удэгейцев – «железная стрекоза», о цепи у чукчей – «железная веревка» и о первых

русских – «огненные пришельцы», о пароходе у нивхов – «огненная лодка» [Штернберг 1908: 23; Богораз 1919: 58; Беликов 1960: 292]. В результате культурных контактов у аборигенов появились мотивы ценности серебра и золота, богатства как цели, к которой стремится героиня.

Описание езды на лошадях встречается нечасто. Возможно, это монгольское влияние, хотя анализ соответствующей лексики не подтверждает такое предположение.

Выявление реалий, зафиксированных в устном творчестве, и соотнесение их с той или иной культурой – наиболее простой и доступный путь реконструкции этнических контактов. Гораздо сложнее интерпретировать представления людей, их отношение к тем или иным этическим нормам и традициям.

Доказательствами славянского влияния являются отраженные в фольклорных произведениях трансформации традиционных верований. Например, ительмены считали Ворона (Кутха) прародителем людей. В сказках, записанных в 70-е гг. XX в., Кутх предстает как самый обыкновенный человек, отнюдь не небожитель. Показателен в этом смысле сюжет о его ложной смерти [Сказки и мифы народов... 1974: № 168, 169], где он сообщает своей жене Мити о том, что бог будто бы спустился с неба и говорил с ним. Из этой последней версии сюжета видно, что традиционные представления ительменов о загробном мире сменились в процессе их христианизации. Исследователи отметили, что у эвенков встречаются мифы, где с дошаманскими и шаманскими представлениями тесно переплелись христианские мотивы. В таких мифах черт обитает в Нижнем мире, Микола (Николай Чудотворец) – в Среднем, Иисус Христос – в Верхнем. Считалось также, что душа покойного улетает в Верхний мир к Христу, тело остается у Миколы, а болезнетворная сила, вызвавшая смерть человека, уходит к черту [Лебедева 1997: 135].

В устном народном творчестве верхнеколымских юкагиров есть миф о создании земли Христом и Сатаной [Лунное лицо... 1992: 32]. По указанию Христа Сатана, обернувшись гагарой, ныряет за землей, но рассыпает ее. В данном мифе мы наблюдаем соединение различных мифологических представлений. Здесь и первоначальные представления людей о дуальном противостоянии антагонистов, смешавшиеся с христианскими верованиями, и традиционное для юкагирского фольклора участие гагары в сотворении мира без соперничества с уткой. Следует отметить, что слияние христианских сюжетов с народной мифологией характерно не только для повествовательного творчества юкагиров. Например, большая часть космогонических преданий эвенков, по данным М.Г. Воскобойникова, поглощена шаманской мифологией или контаминируется с библейскими легендами [1981: 222].

Появление европейцев на северо-востоке России способствовало рождению новых мифов. У дальневосточных народностей сохранилось множество исторических преданий об этом. В чукотском фольклоре имеется небольшое количество исторических рассказов, отразивших военные столкновения чукчей с казачьими отрядами офицера Павлуцкого в XVIII в. [Поротов, Киевлян, Панкратов 1972: 5], а также поездку на Тихоокеанский берег в 1897 г. Н.Л. Гондатти, тогдашнего начальника Анадырского округа. В предании эпического характера чукчи отметили, как Манво (Гондатти), вступая в единоборство с американским китоловом, «пригнул его к ногам, связал его железной веревкой (цепью) и увез его с собой» [Богораз 1919: 58].

У удэгейцев, нанайцев, орочей, эвенков и чукчей сохранились рассказы об их участии в русско-японской и в Гражданской войнах, а также рассказы, посвященные теме Великой Отечественной войны [Воскобойников 1968; Сказки народов... 1951: 468; Аврорин, Лебедева 1978: 115; Лебедева, 1986: 16].

Отдельные космогонические предания несут на себе отпечаток позднейших социальных реалий в жизни народов Севера. Например, в одном предании чукчей забытое первыми людьми на стоянке огниво превращается в человека, и тогда ворон-творец говорит этому человеку: «...Будь же ты русским... Делай чай, табак, сахар, соль, посуду! Другие будут брать от тебя!» В другом рассказе русский, возникший из огнива, создает горы, реки, озера, придает земле «настоящий вид». Иногда ворон наделяется социально-бытовыми чертами: он изображается бедняком в противоположность богачу волку [Богораз 1900: 160, 162, 169].

Если в сказаниях, собранных в конце XIX в., историческая тема чукотско-корякских войн отражена весьма отчетливо, то в образцах, записанных в XX в., конкретно-историческая выразительность значительно ослаблена и на первый план выдвигается тема богатырских подвигов. Социальная трактовка образа богатыря усиливается, появляется тема общественного неравенства и бедности, прославляется защита бедных и слабых, что является результатом позднейшего переосмысления старой героики [Беликов 1960: 287], что происходит, вероятно, под влиянием русской действительности.

В устном народном творчестве тунгусо-маньчжуров, палеоазиатов и славян есть достаточно много общих сюжетов и мотивов сказок о животных: лисе, медведе, жене-лягушке, змее, собаке, лосе, вороне. Например, лиса в сказках многих народов изображается хитрой и коварной. В записях В.Г. Бого-

раза у чукчей лиса похищает у старушки с нарты рыбу, напросившись к кочевникам в пастухи, уничтожает ночью все их стадо [1900: 277]. В отдельных сказках о лисе у народов Севера проявляется влияние русского фольклора.

В числе повествовательных жанров нанайского и ороцкого фольклора есть произведения, определяемые термином *сиохор*. Им обозначаются произведения, заимствованные от маньчжуров, русских или других народов [Аврорин, Лебедева 1978: 4; Лебедева 1986: 17]. Адаптация таких произведений не проходила бесследно как для самих произведений, так и для нанайского, ороцкого и негидальского повествовательного фольклора в целом. Сюжеты и эпизоды из произведений жанра *сиохор* попадали в исконно нанайские, ороцкие и негидальские *нингманы* (сказки). Кроме того, некоторые *сиохоры* постепенно под влиянием фольклорной традиции настолько перерабатывались, что переходили в разряд *нингманов*. Новые сказки и рассказы отмечены у чукчей, эвенков, нивхов и коряков [Воскобойников 1969: 170; Пилсудский 2002: 20; Отаина, Фетисова 2008: 185].

В нанайском фольклоре имеются русские заимствования, в частности большой популярностью пользовались сказки об Иване-дураке, Емеле. Такие сюжеты нанайцы называли *лоча нингман*, т.е. «русские сказки» [Киле 1989: 107]. По-видимому, эти произведения были переняты от русских первопоселенцев, которые, в свою очередь, многое позаимствовали из нанайской промысловой обрядности, в том числе исполнение сказок во время промысла, тем более что это согласовалось и с русской фольклорной традицией.

У восточных эвенков распространены оригинальные фольклорные произведения, которые по своим сюжетам и мотивам близки к русской волшебной сказке, хотя по композиции и содержанию значительно отличаются от нее.

Широкое распространение среди эвенков имеет несколько видоизмененная русская сказка о двух умных братьях и третьем брате-дурачке. Полностью сохраняются эпизоды, связанные с женитьбой младшего брата на царской дочери. Зарегистрирован вариант русской литературной сказки «Конёк Горбунок». Отмечено и сходство некоторых сюжетов волшебных сказок у эвенков, удэгейцев и якутов [Воскобойников 1972: 69; Подмаскин, Киреева 2010: 169].

Из наиболее поздних сказаний чукотского фольклора следует выделить группу популярных приморских сказок о сироте, проникнутых ярким социальным содержанием. Типичный сюжет этих сказок – история приморского сироты, гонимого богатыми и злыми соседями, живущего впроголодь на краю поселка с одинокой старушкой. Он преодолевает трудные препятствия, побеждает злые силы, женится на дочери оленевода, получает большое стадо и, вернувшись в родной поселок богатым и сильным, наказывает своих обидчиков, злых и жадных родственников [Беликов 1960: 289]. В обобщенных художественных образах фольклор отразил неизбежное столкновение прежних общественных связей и норм с элементами новых социальных отношений, устанавливающихся в чукотском обществе.

У тунгусо-маньчжуров и нивхов сохранились мифы о покровительстве Месяца девочке-сироте, находящейся в услужении у чужих людей. Девочку они заставляли по ночам носить воду. Месяц пожалел девочку, спустился на землю и помог ей подняться на небо. Сюжеты заканчиваются тем, что сиротка-девочка до сих пор счастливо живет на небе [Подмаскин 2006: 443, 444]. Аналогичный сюжет встречается в европейской волшебной сказке.

Отмечено возникновение и бытование «новых песен», созданных на основе мелодий современных русских напевов. Эти песни поют на родном языке, сохраняя черты этнического своеобразия, на Нижнем Амуре, Сахалине, Камчатке и Чукотке [Путинцева 1960: 325, 330–334; Петрова-Бытова 1972: 157]. Тексты «новых песен» отражают современную жизнь оленевода, охотника и рыболова. Любопытно отметить, что многие тексты и мелодии песен, созданные профессиональными нанайскими и эвенкийскими поэтами и музыкантами, утратив авторство, скоро перешли в разряд народных.

У нанайцев давно бытует частушка как одна из форм современной песни. Нанайская частушка появилась одновременно с формированием на Дальнем Востоке советской культуры, с возникновением нового быта в 30-е гг. XX в. [Путинцева 1960: 329].

В советский период в сказках и песнях коренных народов Дальнего Востока России повествуется о переменах в духовной жизни. Появляются сказки с острыми социальными мотивами, отражающие борьбу нового со старым, которой сопровождалось образование первых колхозов на Чукотке [Сказки народов... 1951: 468].

В музыкальном народном творчестве дальневосточных этносов исследователи выделяют два культурных пласта. Например, у ительменов для одного культурного пласта *ходила* характерны традиционная мелодия и импровизационный текст. Второй пласт составляли старинные русские песни и хороводы, восходящие к XVII–XVIII вв. В свое время они вошли в культурную традицию ительменов и сегодня их демонстрируют обычно как образцы национального творчества. К таким песнями отно-

сятся «Чайки белы, ножки красны», «По ельничку, по березничку», «Как на жёлтый песочек», «Шла девица за водой» и др. [Тураев 1990: 172]. С песнями юкагиров генетически связана музыка русских переселенцев на реках Индигирка, Колыма, Анадырь. Юкагирам известны песенные жанры: *анадыльщина* (любовная песня-диалог юноши и девушки) и *верчачьи песни*, соединяющие в себе черты аборигенной и русской фольклорной культуры [Шейкин 2002: 373].

Таким образом, заимствование славянских сюжетов и реалий, отразившихся в фольклоре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России шло через непосредственные контакты с носителями иной культуры (славянами). Фольклор наряду с языком и другими важнейшими элементами духовной и материальной культуры явился индикатором этнического своеобразия. Сложные многовековые культурно-этнические контакты коренных малочисленных народов со славянами оказали заметное влияние на репертуар их повествовательного фольклора, не изменив его национально-самобытной основы. Фольклор аборигенов обогатился как в тематическом, так и в жанровом отношении, что способствовало его дальнейшему развитию.

Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Очорские тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.

Беликов Л.В. К характеристике устного народного творчества чукчей // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1960. Т. 167. С. 271–294.

Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе: образцы народной словесности чукчей. Введение. СПб., 1900. XXXVI. 417 с.

Богораз В.Г. Народная литература палеоазиатов // Литература Востока. Птб: Всемирная лит., 1919. Вып. 1. С. 50–68.

Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 217–253.

Воскобойников М.Г. Великая Отечественная война советского народа против фашизма в устных рассказах и воспоминаниях эвенков // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1968.

Воскобойников М.Г. Советская наука об устно-поэтическом творчестве Дальневосточных народностей // Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969. С. 162–172.

Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор // Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. 1. С. 68–78.

Воскобойников М.Г. О космогонических преданиях эвенков // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука, 1981. С. 221–228.

Киле Н.Б. Этнокультурные связи нанайцев (по материалам фольклора) // Проблемы историко-культурных связей народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 103–108.

Лебедева Е.П. О фольклоре нанайцев // Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. С. 3–23.

Лебедева Ж.К. Фольклор // История и культура эвенов: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997. С. 132–140.

Лунное лицо: сказки юкагиров / Сост. и обраб. Л.Н. Жукова, О.С. Чернецова. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 128 с.

Отаина Г.А., Фетисова Л.Е. Устное народное творчество // История и культура нивхов: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2008. С. 179–190.

Петрова-Бытова Т. Секрет движения: зрелищно-театральное искусство народов Севера // Радуга на снегу: культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972. С. 129–160.

Пилсудский Б.О. Фольклор сахалинских нивхов // Изв. Института наследия Бронислава Пилсудского. 2002. № 6. С. 14–100.

Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.

Подмаскин В.В., Киреева И.В. Удэгейские мифы, легенды, сказки. Владивосток, 2010. 216 с.

Поротов Г.Г., Киевян С.Г., Панкратов Г.И. Амто, северная сказка! Владивосток, 1972. 55 с.

Путинцева А.П. К вопросу о некоторых жанрах устного народного творчества нанай // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1960. Т. 167. С. 321–334.

Сказки народов Севера / Сост. М.Г. Воскобойников, Г.А. Меновщиков. М.; Л., 1951. 669 с.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост., предисл. и примеч. Г.А. Меновщикова. М., 1974. 646 с.

Тураев В.А. Культурно-просветительная работа // История и культура ительменов. Л.: Наука, 1990. С. 164–173.

Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л.Я. Штернбергом. СПб., 1908. Т. 1. Ч. 1. 232 с.